

Д. БУРЛЮК

Пожар сердца

(Любовь у Маяковского)

Француз на штыке мрет,
С улыбкой разбивается подстреленный авиатор
Когда вспомнят твой в поцелуе рот
Травиата!
Но что мне до розовой мякоти,
Которую столетия выжуют
Сегодня тебя пою накрашенную рыжую.

В. Маяковский

Итальянские футуристы издали в 12/13 году манифест, изгоняющий эротику на творчества футуриста; этим манифестом художникам было запрещено на десять лет изображение наготы. «Вы, — писали футуристы, — обратили выставки в мясные, где напоказ окорока ваших метресс».

Этим манифестом итальянцы не только рвали с прошлым, они как бы предвещали появление человека иного века, который найдет иные слова о любви, другие очи о теле греховном — и тем не только видоизменит прошлое, но из старого материала создаст новые темы.

Когда из этого туманного, розового утра новой жизни смотришь на вчерашний закат прошлого века, то изумляешься быстроте, с которой отходит в область предания все, чем время прошлое жило и наслаждалось.

У всех поэтов XIX века чувство любви нашло себе достаточно выражения. Оно на протяжении всего века было главенствующей темой творчества и, сравнивая теперь творчество футуристов и их предшественников, ясно, что у последних, как это уже и предвидели итальянцы, чувства любви, влюбленности, томле-

ния любовного, скорби об утраченной любви и т. п. или исчезли из-под пера частью совершенно или же перевоплотились в иные структуры изданий эстетических, сопутствуемые арсеналом новых слов, по-иному дающих самый предмет эротики и ее владычицы-женщины.

Фуцуристы — носители нового мироощущения.

Фуцуристы — новые люди, и чувства у них новые.

Блок написал стихи «о прекрасной Даме» и «Незнакомке» — отчетливый, мучающий Блока, образ Незнакомки, это какая-то эротика мира недотыкомка, у Константина Бальмонта — Левкапонья Поцалуйная — «взятая лаской как волной»! Символисты еще не ушли, не порвали с луной, девами, мечтающими при ней, — они все еще погрязшие в любовных чувствах старого века, где царят Татьяна и Ольга, Бэла — где «по ковру плывет, скользит «божественная ножка» — Тамары, где дворянские сады Тургенева наполнены любовным жаром его чистых и трепетных героинь. Блистающие весны и песни о любви —

Витий заветный хлам...

Это Брюсов писал еще лет 15 тому назад. И это истинное. Никогда еще, как наши 3 года последние, прошлое так сразу, так навсегда стало уже пыльным материалом архивов, утратив вдруг свою жизненность или способность к ней. Из числа живых чувств — выпали мертвые. Из лика живых красот отняли и отпали все — прошлого века. И теперь особенно ясно — все новое и живое в творчестве разбираемого Маяковского. Маяковский — великий вития — гордость нашего века. За 8 лет своей деятельности, прошедшей с первого момента на виду у всех, он не написал, правда, горы книг: «Простое как мычание», «Облако в штанах», «Человек» — до 1919 г., что известно нам. Но каждая строка, сделанная великим мастером русского, современного стиха, живет и четко выситя среди всего сделанного другими поэтами современниками.

Ведь для себя не важно
И то, что бронзовый,
И то, что сердце холодной
железкою.
Ночью хочется звон свой
Спрятать в мягкое
В женское, —

признается Маяковский в I-й части «Облака в штанах», и образы любовной радости и муки преследуют поэта — «Накрашенная, рыжая» — всюду следит за ним, он нигде не может забыть ее:

И там, где тундрой мир вылинял,
 Где с северным ветром ведет река торги
 На цепь нацарапаю имя Лилино
 И цепь исцелую во мраке каторги.

Но манера подхода к изображению любящего поэта настолько иная, что тот, кто не читал Маяковского, не сможет приять.

В самом раннем своем произведении — «Трагедии Владимир Маяковский» он говорит о женщинах:

В будуарах — женщины — фабрики
 Без дыма и труб
 Миллионами выдывали поцелуи
 Всякие и большие и маленькие
 Мясистыми рычагами шлепающих губ...

Тогда Маяковский смотрел на женщину как на «без дыма и труб — фабрику поцелуев». Женщина — как образ эротики, мучающий и навязчивый и в последующих произведениях поэта — не начинает владеть какими-либо новыми многими чертами, четко рисующими его. Для Маяковского любовь — *пожар сердца — прекрасная болезнь* — Любовь к женщине:

Ей мало одной — раски-
 нулась в шестивие...
 Да здравствует снова мое
 сумасшествие!

Женский образ дробится, множится, и чувство любви поэту кажется уже сумасшествием. И если это чувство — болезнь — сумасшествие, то арена его действия — душа поэта, и здесь мастерство Маяковского дает переживания любовного чувства, творья... «не молитвы — не сладкие слова», а показывая современного человека, бьющегося над вопросом любви как над загадкой бытия. Не плывущего по воле сладостных переживаний, а влагающего нож анализа в самую середину сокровенного обольщения физической мишуры земного бытия.

Дикари Джека Лондона женщин белых называют Мариями — так и у Маяковского:

Вы думаете это бредит Малярия?
 Это было в Одессе
 «Приду в четыре» сказала
 Мария.
 Восемь, девять. Десять.
 Вот и вечер, а ночную жуть
 Ушел от окон хмурый декабрь.

В дряхлую спину хохочут
и ржут
Канделябры.
Меня сейчас узнать не могли бы:
Жилистая громадина стонет корчится
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!

.....

И вот громадный горблюсь в окне,
Плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого
Должно быть маленький смиренный
любеночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.
Еще и еще уткнувшись дождю
В лицо его рябое
Жду, обрызганный громом
мирового прибоя.
Полночь с ножом мечась,
Догнала, зарезала — вон его!
Упал двенадцатый час,
Как с плахи голова казненного.
В стеклах дождики серые свылись.
Гримасу громадами как будто
воют химеры
Собора Парижской Богоматери.
Проклятая!
Что же и этого не хватит?
скоро криком издерет
рот!

Маяковский и раньше «предмету своей любви» — уже обратился в «флейте Позвоночника»:

Какому небесному Гофману
Выдумалась ты проклятая.

Поэт ждет. «У нервов подкашиваются ноги».

Двери вдруг заляскали будто
у гостиницы не попадет зуб на зуб.
Вошла ты резкая как нате
Муча перчатки замш,
Сказала «знаете, я выхожу
замуж».

Душа человека — арена любовного чувства. Прежние поэты описывали будуар, альков, раздвинувшийся воздушно-кружевными занавесками, — и так на «пуховой постели, в парчу и жемчуг убрана, ждала она гостя, кипели пред нею два кубка вина...»

Сплетались горячие руки
Уста прилипали к устам.
И дикие страстные звуки
Всю ночь раздавались там.

После эротики начала прошлого века все поэты в унисон вторили на те же мотивы, на тот же лад. Мучения любви у поэтов ассоциировались с определенным словарем — красивых «сердцещипательных» слов. Будуар был напоен запахом ирисов и роз — и какая нужна была иная душа — должна была быть большая высшая смелость, чтобы вдруг найти иное. Заговорить своим языком о своем чувстве и вместо парфюмерно-слащавого Блоковского

И кто поймет и кто узнает,
Что ты сказала мне молчи,
Что воск души блаженной тает
На ярое пламени свечи,
Что вот теперь цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты
И потерял я счет неделям
Своей преступной красоты. —

(Это ведь слащавость намызганного граммофона цыганского романса) и после этого вдруг так сильно, по-новому — словесно, так не болезненно, а полное здоровья у Маяковского:

Эй господа! любители святотатств.
Преступлений боев, —
А самое страшное видели
Лицо мое, когда я абсолютно спокоен?
И чувствую — «я» для меня
мало.
Кто-то из меня вырывается
упрямо.
Алло! кто говорит, мама?
Мама! Ваш сын прекрасно болен!
Мама! у него пожар сердца
Скажите сестрам, Люде и Оле, —
Ему уже некуда деться.
Каждое слово, даже шутка,
Которая изрыгает обгорающим ртом
Выбрасывается как голая проститутка
Из горящего публичного дома.

Люди нюхают запахло жареным
Нагнали каких-то. Блестящих в касках.
Нельзя сапожища!...
Я сам. Глаза наслезненные бочками выкачу.
Дайте о ребра опереться.
Выскочу! Выскочу! Выскочу!
Рухнули! не выскочишь из сердца!

Да! Ничто человеческое не чуждо поэту. Поэт в земной жизни своей подчинен земным чувствам. Все земное, простое, бесхитростное не унижает прикосновением своим Великого. Найдя новые слова — назвав это рудиментарное, будничное — по-своему — по Маяковскому, — он этим одним уже создает не только — иную — новую тему, но и очищает, оправдывает — простое, земное и бесхитростное. Марающий черный уголь жизни Маяковский превращает в алмаз — ковчежец, хранящий в себе лучи солнц вечного искусства. Порывая окончательно с сантиментально-слащавым трактованием любовного чувства в поэзии прошлого века и уже не поэтизируя прежней любви женщины (не показывая ее ни Мадонной, ни Вакханочкой Пушкина и т. п.), Маяковский — футурист — новый человек не только в слове, но и в чувстве.

Мужественная бодрость и энергия чувства — делают его характером нашей эпохи — пришедшей на смену Чеховского любовного слабоволия и Пушкино-Тургеневского сантиментализма.

